

***

*Здесь густая трава и беспечные песни
сверчков,
здесь разверзшийся ад среди райского
лета.*

*И плывут облака по чернильному небу
зрачков,
и в кармане сломалась последняя
сигарета.*

*На войне не бывает ничьих, только
своей и чужой.*

*По чужому стрелять, своего
прикрывать, что есть силы,
повторять: «Слава Богу! Живой! Слава
Богу! Живой!»*

*И звонить дочерям с почти севшей
мобилы.*

*И любить сыновей, тех, что рядом — в
окопе, в пыли —
делят тяготы дней, делят хлеб и
говяжьё тушенку.*

*Эти воины — дети кротами изрытой
земли,
вместо нимба Господь отдал им
коногонку.*

*Вместо сердца Господь даровал
антрацит,
вместо вдоха степного — горючесть
метана.*

*Здесь густая трава, что так ярко,
чадаяще горит,
словно вечная слава победы на груди
ветерана.*

***

*Это был страшный август четырнад-
цатого года, два народа шли в лобовую.
Николай с лицом черным, как добывае-
мая им порода, прикрывал собою горя-
щую передовую. На его руках умирали и
воскресали, на его глазах открывались
ходы в преисподнюю. Город детства
его, город угля и стали, превращали в
пустошь, в пустыню неплодородную.
Сеяли смерть, как раньше сеяли хлеб,
сеяли ужас, боль и жуткое «зуб за зуб»,
а зеленые пацаны, утверждавшие, что
смерти нет, рыдали от страха, увидев
свой первый труп. А увидев второй, на-
чинали, кажется, привыкать, говори-
ли: «Война — не место для бабьих слез!»
И у каждого в городе оставалась мать,
в городе миллиона прекрасных роз.*

***

*Мы — подвальные, мы — опальные,
кандалы наши тяжелы.*

*Мы — идея национальная,
мы — форпост затяжной войны.*

*Черной совести боль фантомная,
боль, что мучает по ночам,
эта домна внутри огромная,
наша ненависть к палачам.*

*Мы священные, мы убогие,
мы у Боженки в рукаве.*

*И глаза Его слишком строгие,
И следы Его на траве.*

*Утром встанем, пересчитаемся,
похоронимся, поревем.*

Эх, война-война — девка та еще!

*Частоколы да бурелом,
заминированы окраины,
человеческий страшный суд.*

*Авель помнит, что всюду Каины,
только высунешься — убьют.*

***

*С нами Бог, с нами солнце и с нами
дождь,*

зарядивший снайперскую винтовку.

*Это поле — рожь, а за рощей — ложь,
а за ложью — ружья наизготовку.*

Это поле — ржавчина старых битв.

Что посеет ветер степей разъятых?

Террикон лежит, словно мертвый кит,

облака плывут, облака из ваты.

*Золоченый гулкий степной закат,
уплывает солнце за край планеты.*

Кто во всем случившемся виноват?

Кто спасет распятую землю эту?

*А с неба не снег, а серые лепестки
пепла.*

*Мария лежит, и горы над ней огромны,
но Мария не видит горы — она ослепла,
врастая хребтом в донецкие
черноземы.*

*Она захлебнулась огнем, прикрывалась
дымом,*

*ползла, а после бежала к густой
зеленке,*

*держала винтовку крепко, так держат
сына,*

младенца, завернутого в пеленки.

*Ей было почти не больно, почти не
страшно,*

*ее прикрывали громкие пулеметы,
на палец левее — в одном километре
башня,*

а справа стоят огнедышащие расчеты.

*— Ребята, прикройте, я отхожу,
ребята! —*

*Мария кричала и падала навзничь в
почву,*

*и кровь ее растекалась, как сок
граната.*

Мария, моя Мария, шахтерская дочка.

*На самой вершине дальнего рыжего
террикона,
где колокольный звон — музыка из
привычных,
они встретятся — отец и дочь —
натянут сетку для бадминтона,
а у подножия плещется море — поле
пшеничное.*

*И у них не будет другого занятия,
кроме счастья,
и только Донецк с его улицами,
проспектами и мостами
навсегда останется с ними, будет их
лучшей частью,
навсегда останется с нами —
погостами, розами и крестами.*

*Это память, с которой не стоит
бороться, она нетленна.*

*Я помню звук, с которым стреляют
«Грады», ложатся мины.*

*Но Донецк — это не просто город, это
вселенная,*

*Донецк — это шахтерские девочки и
песня их лебединая. ■*